

СУБЪЕКТНОСТЬ И ИСЧИСЛИТЕЛЬНОСТЬ В ОБЪЯСНЕНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

Н.В. МАЛЬЧУКОВА

С середины XX века исследования в области философии языка обнаруживают тяготение к такой общей ориентации, в основе которой лежит обращение к явлениям сознания, призванным объяснить как реальные, так и перспективные реализации языка¹. Многолетнее неприятие концептуализма, согласно которому в основе объяснения функционирования языка лежат мыслительные процессы, сейчас все явственнее сменяется признанием того, что без обращения к явлениям сознания и мыслительным процессам вряд ли возможно адекватное объяснение природы языка и его многообразных реализаций.

Как шаг на пути к преодолению тавтологического понимания языкового употребления (когда значение выражений объясняется их употреблением, а употребление – самим конкретным употреблением² это явление заслуживает положительной оценки. Однако сразу же обнаруживается, что необходимо удовлетворительное объяснение оснований функции сознания и мыслительных процессов. Известные же на сегодня теории, стремящиеся раскрыть сущность функционирования языка через обращение к явлениям сознания, такого объяснения не дают. В теории интенциональности Дж. Серля³, например, порождение конкретных высказываний объясняется как инициируемое состоянием убежденности, желательности, ощущения. Но говорить о желаниях, ощущениях, а тем более убеждениях и намерениях применительно к человеку, считая их чем-то принципиально внеязыковым, недопустимо. А если это так, то в случае Серля языковое поведение объясняется сознательно-языковыми факторами и состояниями. Но тогда, чтобы избежать новой тавтологии, необходим дополнительный анализ лингвистического статуса этих состояний и механизмов их взаимосвязи с конкретными речевыми актами. По мнению автора данной статьи, основой такого анализа может стать представление об исчислительно-субъектной при-

роде языка и сознания. При этом объяснение становления субъектности во взаимосвязи с исчислительностью, как и важности этой взаимосвязи для понимания процессов функционирования языка и сознания, обязательно требует прояснения смысла самих понятий субъектности и исчислительности.

Определение субъектности и исчислительности

Следует заметить, что прояснить смысл понятия субъектности невозможно без обращения к содержанию понятия субъективного. Как правило, в философии под субъективным понимается то, что свойственно субъекту или производно от его деятельности (зависимо от него), в отличие от объективного, т.е. того, что принадлежит объекту, не зависит от субъекта, существует вне и независимо от сознания человека. Именно такое представление о субъективном и объективном развивается в марксистской философской традиции, где мысли, чувственные образы, внутренние побуждения субъекта понимаются как реальность субъективная, т.е. как то, что существует «во мне», в отличие от того, что существует «вне меня» и понимается как объективная реальность (реальность материального мира)⁴. Необходимо иметь в виду при этом, что понятие субъективного может также выступать как характеристика знания, выражающая те моменты, в которых знание не вполне точно и всесторонне воспроизводит свой объект (вплоть до полного его искажения). При таком понимании субъективного проявляется гносеологический аспект проблемы соотношения субъективной реальности и объективной реальности (в отличие от онтологического аспекта, фиксирующего необходимость выявления природы и сущности этих реальностей), когда реализуется стремление уже в самом знании, являющемся субъективной реальностью, выделить субъективные и объективные стороны.

Интересно то, что в отечественной философской литературе уже указывалось, что при анализе явлений субъективной реальности (а именно ценности и оценки) недостаточно использовать только понятия «субъективное» и «объективное», а необходимо также использовать понятия

«субъектный» и «объектный». При этом если субъективное понимается как зависимое от субъекта, то субъектное – как соотносящееся с субъектом, связанное с ним, проявляющееся при обязательном участии субъекта, существуя в определенной степени независимо от него⁵. Совершенно очевидно, что язык есть явление субъективной реальности, т.е. что он произведен от субъекта, зависим от него, вне него не существует и в этом смысле он субъективен и противопоставлен реальности объективной. Язык субъективен также и в том смысле, что он не вполне точно и всесторонне воспроизводит свой объект (вплоть до полного его искажения). И в то же время язык субъектен, причем субъектен не только в том смысле, что его свойства проявляются при обязательном участии субъекта, но и в том смысле, что свойства субъекта раскрываются в языке: становление и развитие языка связано со становящейся и развивающейся в нем субъектностью. Понятие субъектности в данном случае определяется как волевая и интеллектуальная свобода субъекта в сфере языка.

Теперь необходимо остановиться на понятии исчислительности, которая может быть определена как такой способ представления действительности, когда ее объектам и явлениям ставятся в соответствие материальные конфигурации/знаки (нейронные соединения, звуки, буквы, слова, цифры, и т.д.), с которыми затем по принятым в системе (в центральной нервной системе, в системе вербального языка и т.д.) правилам (правилам вывода) производятся операции, необходимые для решения поставленной задачи. Очевидно, что для живых систем, каковой является и человек, предельно обобщенной первоочередной задачей является задача выживания, которая в процессе эволюции человека и человеческого общества приобретает определенную спецификацию. Что же касается правил вывода, являющихся важной характеристикой исчислительных процессов, то необходимо заметить, что они не ограничиваются в данном случае правилами формальной логики и исчислительность, таким образом, предстает как множественность логических принципов и их дополнительность.

Здесь, конечно, необходимо сделать некоторые уточнения, касающиеся соотношения употребляемого понятия

исчислительности с вычислительными подходами к анализу человеческого разума, которые во второй половине XX в. были активизированы развитием компьютерной техники и становлением такого научного направления, как искусственный интеллект. Определенные успехи в моделировании искусственного интеллекта привели к тому, что естественный интеллект начал рассматриваться по аналогии с машинным своим вариантом. Сегодня, когда данная установка серьезно критикуется⁶, возникает вопрос: насколько действительно применим категориально-методологический аппарат (и в частности, понятия вычисления, вычисляющего мышления), сложившийся в рамках парадигмы «разум как машина», к анализу естественного интеллекта?

Следует иметь в виду, что развитие теории и практики искусственного интеллекта во многом было инициировано логико-математическим анализом естественного языка, целью которого было создание языка точного, непротиворечивого. Первоначально, таким образом, понятийная сетка, выражающая в данное время специфику искусственного интеллекта, характеризовала языки логики и математики, которые являются продуктом функционирования человеческого разума. Именно поэтому вычислительно-кодовые, алгоритмические характеристики не могут рассматриваться как чуждые природе естественного интеллекта. Однако вопрос в том, какое именно место они в ней занимают и в чем специфичность их проявления по отношению к интеллекту искусственному?

Сегодня, благодаря достижениям в разных науках, таких как психология, лингвистика, нейрофизиология и др., очевидно, что интеллектуальные возможности человека не ограничиваются языками формальной логики и математики, которым свойственны четкость, заданность, выводимость и которые выступают одной из форм действительного проявления этих интеллектуальных возможностей. Вместе с тем этот факт не отрицает вычислительной природы мышления как таковой, а приводит к необходимости более широкого ее толкования. Следует иметь в виду при этом, что операции с числами не могут восприниматься как что-то простое, ведь как в филогенезе, так и в онтогенезе чело-

века умение оперировать с числами — определенный и далеко не первичный этап развития мышления, подразумевающий сложность познавательных и логических операций. Эти количественные (числовые) вычисления (результат развития абстрагирующей способности человеческого мышления) не могут появиться без опоры на предыдущие качественно иные формы вычисления. Дело в том, что вычисление (как это будет показано далее) лежит в основе не только языка формальной логики и математики, но и в основе языка сенсорного воспроизведения действительности, естественного языка, языка диалектической логики, языка науки, вплоть до языка литературы и искусства. Однако в каждом случае оно проявляется специфически (следует заметить, что и в рамках самой математики вычисление процедурно весьма разнообразно и в конечном счете не реализуется в каких-то абсолютно алгоритмизированных формах)⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что в нашем случае понятие вычисления, трактуемое широко, т. е. не отождествляемое исключительно с числовыми и формально-логическими операциями, с одной стороны, может рассматриваться как синоним исчислительных процессов, а с другой — может обозначать конкретные случаи проявления исчислительности (включая числовые и формально-логические операции).

Язык как исчислительный механизм.

Базисная субъектность и суперсубъектность

Естественный язык — важнейший исчислительный механизм, возникший на основе эволюционного совершенствования исчислительных возможностей исходного языка высшей нервной деятельности, унаследованного предками человека от непосредственных своих животных предшественников — человекообразных приматов⁸. Становление этого языка с его новой исчислительностью знаменовало собой возникновение и совершенствование субъектности. Таким образом, исчислительность и субъектность — две необходимо связанные стороны лингво-интеллектуального процесса в его эволюционном совершенствовании, а имен-

но: простая аддитивность исчислительности на уровне животных систем в этом своем качестве хотя и не могла быть основой субъектности, но полезно послужила «эволюционной находке» сложных переменных форм исчислительности. И сложность «наработки» этих новых приемов исчислительности отчасти зафиксирована в исторических формах языка.

Согласно теории языковых переходов, разработка которой принадлежит одному из выдающихся лингвистов школы Н.Я. Марра — И.И. Мещанинову⁹, в целой серии языков, сохраняющих реликтовые синтаксические образования, прослеживается, хотя и по-разному, некоторая тенденция продвижения глоттогонического процесса к так называемому номинативному строю, особенно характерному для индоевропейских языков. При этом именно номинативное состояние языка наиболее органично реализует смысловые отношения субъекта предложения с другими словами в предложении, вследствие чего синтаксис становится расчлененным, а морфология слова (система словоизменения) — достаточно гибкой. Наиболее архаичной формой языка выступает такая форма, в которой ни слово, ни предложение не выражены, т.е. каждое предложение является сложнооднословным. Первым шагом на пути к номинативной форме языка, а следовательно к субъектности, стала постановка группы субъекта впереди предиката в таких предложениях. Последующим переходом в развитии языка в данном направлении стали посессивность и эргативность. Под давлением таких факторов бытия еще древних обществ, как усложнение социальности и практики, мышление человека постепенно преодолело сложность и неподвижность конструкций слов-предложений, наследующих логику аддитивности и вышло на уровень небывалой свободы смыслообразования, а следовательно, — творчества. Основой его стали новые типы исчислительности, обеспечивающие свободу сравнений и абстрагирования. Эти типы стали выразителями базисной, фундаментальной формы субъектности.

Базисный уровень субъектности, построенный на основе номинативной формы языка и переменной исчислительности, означает максимальную степень саморазличен-

ности состояний субъекта в природной и социальной среде, когда в то же время с полной определенностью выявляются ординарные деятельностные, аффективные и интенциональные отношения субъекта к объекту и субъекта к субъекту. Благодаря этому уровню субъектности, обеспечивается очень гибкое, вариативное индивидуальное и коллективное поведение субъекта, прежде всего, в рамках повседневности. Здесь сняты также все ограничения для формирования новой формы субъектности, которая и возникает, поначалу реализуя возможности словосложения, т.е. следы бывшей аддитивности. Таковы, например, сложные слова «паровоз», «охотовед» и т.п. Кроме того, исторические примеры словообразования также говорят о реализации аддитивных форм. Например, в древнерусском языке конь черной масти назывался «ворон конь». Впоследствии первая часть «ворон» преобразуется в прилагательное (определение) «вороной» (более широкообъемный предикат).

Говоря о самоопределяемости субъекта посредством новой формы языка и новых нормативов мышления, надо отметить и следующее обстоятельство. При выявленном носителе действия в новом языке имеются имена — выражители места и времени, т.е. соотнесенные с пространственно-временными отношениями. Это так называемая деиктическая лексика, имеющая неопределенные, весьма общие значения («здесь», «там», «сейчас», «потом») ¹⁰. Такие слова выражают нефиксированные свойства реальных пространства и времени и в то же время указывают, с одной стороны, на генетическую общую концептуальную наработку представлений о пространстве и времени, с другой — на субъективную относительность пространственно-временных идентификаций объекта. Говоря иными словами, один и тот же предмет, индивид бывают в бесчисленных ситуациях «здесь» и «там», «сейчас» и «потом», которые не нуждаются в применении стандартной меры, но в то же время при необходимости могут быть измерены. Это — уже не определенная запрограммированная аддитивность, а всякий раз по-новому оцениваемая пространственно-временная определенность. Такая богатая сетка категорий и отношений (времени, рода, падежности и т.д.) означает становление

субъектности, т.е. индивидуальных предпочтений и выбора. Однако данная «технология предпочтений и выбора» снова реализует исчислительный механизм теперь уже более высокого порядка, включающий исчисление подчиненного уровня. Подобная возможность разнообразных определений места и времени объекта неизбежно предполагает наличие инстанции, осуществляющей эти определения. Эта инстанция и есть «Я», т.е. субъект, сознание с его способностью находить сопоставления за счет обогащенного исчислительного механизма языка. И это еще не все. Можно предположить, что такая новая переменная исчислительность, требующая более сложных познавательных операций (еще более усложняющихся в научной реализации сознания) — один из существенных путей формирования отношения ценности и операций оценки¹¹. Возникшие новые отношения ценности и оценки, будучи принципиально важным компонентом сознания универсального значения, получают и специфическую сферу своего функционирования в этике и эстетике и соответствующих им языках.

Итак, исчислительность в реагировании есть свойство высшей нервной деятельности живых систем, обретших в результате миллионы раз повторявшегося взаимодействия со средой способ повышенного адекватного ответа на ее воздействия, и завершается она гранью развитой сенсорики и возникновением вербального языка, хотя и более совершенного, но все-таки поначалу недостаточно различного (синтетический язык), который и стал основой для развития языка выраженной базисной субъектности. Это стало возможным благодаря оформлению глагола как части речи, что с грамматической точки зрения привело к развитой синтаксической системности языка, а с семантической точки зрения — к выявлению субъекта в его обогащенной структурности. В структуре субъекта произошло подразделение языково-кодовых средств на два вида: язык сенсорного воспроизведения действительности и абстрактно-логический (вербальный) язык, субстратными носителями которых выступили соответственно правая сторона коры головного мозга (более древняя) и левая (молодая), эволюционно приобретенная и развитая гораздо позже.

Трансязыковой характер исчислительности обусловил становление своеобразного уровня субъектности, который можно было бы назвать суперсубъектным, имея в виду такой ее существенный признак, что в ней осуществляется мысленное метаотношение. В нем полагается своеобразное интеллектуальное и чувственное состояние субъекта, которое как бы «надстраивается» над состояниями и действиями субъекта в качестве некоего независимого носителя действия или мысли. Реально суперсубъектность проявляется поначалу в формировании страдательного залога (*мне чувствуется* или реликтовая форма — *мне хочу*), а также в конструировании иллюзорного субъекта, что в конечном счете повлекло формирование мифологических и религиозных знаково-символических систем и языков. Согласно К. Ухленбеку, североамериканский индеец считает себя не действующим лицом, а виновником действия, его исполнителем. Строй речи индейца должен был отразить это его миропонимание¹².

Имея это в виду, целесообразно указать некоторые градации, касающиеся специфики статуса этого «действителя», т.е. субъекта. Древний субъект в выражении «дождь падает» у Гомера выражается как «Зевс дождал»¹³. По этому поводу Н.Я. Марр писал, что все так называемые безличные глаголы — русский «меня лихорадит», французский «*il pleut*», немецкий «*es regnet*» — на самом деле личные, так как субъект в данном случае («он», «она» или «оно») — некогда производственный тотем¹⁴. Ирреальный, пережиточный субъект в виде мифологической персонификации или сохранившихся форм безличных глаголов, невзирая на свою архаичность, свидетельствует о знаменательных мыслительных перестройках и переходах, а именно: мистико-мифологическое и тотемное, а также «безличное» восприятие субъекта действия означало движение сознания по пути все большего обобщения и абстрагирования, при котором субъект понимается не просто как конкретное лицо, границы и пространство которого вполне определимы (как это характерно для обычных глаголов), а как «повсеместный субъект» — носитель неограниченных сил и произвола. Такое осмысление субъекта, несомненно, происходило при

участии сенсорно-эмоциональных состояний древнего человека, что означало взаимодействие рациональных и чувственных кодовых структур, результатом чего и стало это первоначальное становление суперсубъектности. Впоследствии эти архаические формы суперсубъектности отпали или были заменены, однако механизм их порождения оказался действенным и продуктивным и к настоящему времени.

Иное проявление суперсубъектности демонстрирует Аристотель, обосновывая содержание философских терминов. Выводя, например, понятие необходимости, он останавливался на трех значениях слова «необходимость»: «...условие, без которого невозможна жизнь или благо...»; «...насильственное принуждение, идущее наперерез естественному влечению»; «...о необходимом говорится по отношению к тому, что не может обстоять иначе, чем как оно обстоит в действительности»¹⁵. Это последнее значение, по Аристотелю, — главное значение необходимости. Принципиальное значение имеет понимание Аристотелем отношения этого последнего значения необходимости к первым двум. «Эта “невозможность быть иначе”, — говорит он, — составляет существо необходимости и в двух первых указанных значениях необходимого»¹⁶.

Данный прием получения значения философских категорий, постоянно использующийся в философском анализе, раскрывает действие суперсубъектности в языке с несколько иной стороны: здесь мы имеем дело с направленной рациональной процедурой установления семантических инвариантов. А сходная объемная работа по выведению логических форм надежных рассуждений, реализующая принцип суперсубъектности, была проведена опять-таки Аристотелем при создании им силлогистики. Здесь уже учитывалось единство исчислительности в естественном языке с таковой в строгом рассуждении, в том числе в математическом выводе.

Суперсубъектность не может пониматься как некое интеллектуально-лингвистическое явление, вынесенное за пределы индивидуального субъекта, личности. Суперсубъектность — это внутрисубъектное достояние, хотя и сугубо социального происхождения и социально артикулирован-

ного функционирования. Конечно, имеются довольно рельефные философские традиции (трансцендентализм немецкой классической философии, психоанализ), отличающиеся выраженной интенцией на выделение независимой от субъекта суперсубъектности, но одни из них мистифицируют суперсубъектность (трансцендентализм), другие акцентируют подавляющее личное влияние обезличенной внешней суперсубъектности (психоанализ). Эти традиции, правда, по-своему выражают и подтверждают лингво-интеллектуальную тенденцию формирования суперсубъектности, но обосновываемое нами представление о суперсубъектности является более универсальным и естественным. Оно со всей определенностью утверждает за каждым нормально развитым субъектом способность быть носителем суперсубъектности и эта последняя есть его лингво-интеллектуальное достояние и состояние, выполняющее наряду с другими психическими компонентами активную функцию в порождении высказываний, особенно высказываний значимых. Под этими значимыми высказываниями надо понимать те, которые выражают конструктивно-реконструктивные, т.е. творческие, возможности субъекта.

Суперсубъектность, исходя из сказанного, осуществляется как в режиме интеллектуально-волевого управления со стороны субъекта, так и в режиме «автономной» работы центральной нервной системы субъекта, в его отдыхающем, но в то же время активизированном в направлении решения интеллектуальной задачи состоянии. Но как в том, так и в другом случае суперсубъектность выражает предельный уровень лингво-интеллектуальной свободы субъекта, и примечательно то, что в последнем «неволевом» варианте она может восприниматься как «неожиданное обретение». В то же время ситуации такой свободы свидетельствуют об информационном управлении и самоуправлении в сфере интеллектуальной деятельности субъекта. В режиме «автономии» — ситуации инсайта, интуиции, вдохновения, озарения — суперсубъектность может обеспечить максимальный творческий эффект, хотя таковой, разумеется, не всегда обязателен.

Исчислительность и субъектность в процессе порождения высказываний

Подытоживая сказанное об исчислительности трансязыковых отношений как основе взаимосвязи базисной субъектности и суперсубъектности в получении, обработке и переработке информации человеком, отметим, что очерченный подход позволяет, на наш взгляд, реализовать важные методологические принципы, позволяющие естественным и адекватным образом подойти к объяснению процессов порождения высказываний, а также их понимания. Очертим эти принципы. Прежде всего таким принципом выступает принцип общности и единства информационно-языкового «аппарата» производства высказываний. Средства разной языковой природы, воплощающие различающуюся по качеству информацию (язык сенсорики, базисная субъектность языка, язык суперсубъектности) выступают в производстве высказываний в единстве, хотя это единство подвижно относительно ситуации порождения высказывания. Оно допускает локальную свободу и главенство того или другого компонента, что оборачивается нередко снятием неопределенности и возникновением новой структуры (целостности) интеллектуально-языкового порядка. Тем самым возникают «пункты» антиэнтропийности и осуществляются синергетические эффекты в рамках интеллектуальной деятельности, стимулированной социокультурными факторами и ситуациями.

В связи с этим реализуется и принцип системности в интерпретации связи «блоков» продуцирования высказывания. Внутренний «контур» системы образуют базисная субъектность языка и взаимосвязи различных отношений и форм суперсубъектности: суперпрограмм, верований, убеждений, ментальностей. Внешний же «контур» представлен соответствующей организацией социокультурных экстралингвистических «стимулов». Внутренний контур филогенетически является (в субстратном отношении) структурным совершенствованием центральной нервной системы становящегося человека, что и получает в конечном счете выражение как межполушарное разделение коры головного мозга. А функционально сформировавшиеся на базе этого

подразделения типы лингво-мыслительной субъектности сделали возможными, с одной стороны, волевое управление и контроль субъективного интеллектуального процесса, а с другой — частичное и локальное самоуправление мысле- и речепорождающего процесса.

Выраженные во внешнем языке базисная субъектность и суперсубъектность имеют свое мозговое представительство в том, что может быть названо эго-системой головного мозга, которая, будучи структурно и функционально его подсистемой, образует высший уровень мозговой самоорганизации и управления¹⁷. При этом ясно, что образование и преобразование информации в коре головного мозга, протекающее в интерференциально-кооперативном кодовом режиме, реализует также и конкурентные отношения, вне которых неосуществимы перестройка и донастройка суперпрограмм. Принцип «возможен лучший выбор», будучи сам вычислением, вновь и вновь предпринимает вычисления, с поправками либо на реальный контекст, либо на возможные обстоятельства. Кроме того, как для внешнего состояния языка, так и для его «внутрикодовых» воплощений и преобразований остается верной и фундаментальной его характеристика как совершенно особой, видоспецифичной вычислительной способности мозга¹⁸. И эта способность, как нами было показано, нарабатывалась в ходе эволюции человека, через наследование общих для живых систем исчислительных процессов высшей нервной деятельности и их дальнейшего совершенствования в ходе антропосоциогенеза.

Возвращаясь в свете приведенных соображений к оценке, например, ранее упомянутой теории интенциональных состояний Дж. Серля, придется сказать, что утверждение верований и убеждений в качестве порождающей высказывание инстанции выглядит весьма неестественно. Дело в том, что такого рода интенции представляют собой уровень суперсубъектности, который не является фундаментальным и сам формируется на основе базисного уровня субъектности, а кроме того, если иметь в виду упомянутый внешний контур, в котором производится основная инициация возникновения высказывания, то он как бы вычитается в дан-

ной концепции. К тому же надо иметь в виду, что весьма конкретные содержательные высказывания организуются «семиотическим ансамблем» (системой) сенсорики, базисной субъектности и суперсубъектности (в том числе в форме перестраивающихся суперпрограмм).

Попыткой обозначить абсолютный уровень мыслеоформления выступает также «модульная» (и близкая к интенциональной) концепция мыслепорождения Дж. Фодора. Теория Дж. Фодора близка к интенциональной потому, что в ней также утверждается некий преимущественный на все случаи речемыслительной деятельности уровень («модуль») обработки и формирования информации (языково-дискурсный), в результате функционирования которого врожденные синтаксические структуры «насыщаются» семантическим содержанием, и благодаря этому осуществляется информационный «выход», т.е. речемыслительный результат. Согласно же обосновываему в данной статье подходу, не только более реалистичной, но и более результативной представляется другая методологическая ориентация. В ее основе лежит представление о том, что обработка информации в рече-мыслительных процессах «идет как интегральное взаимодействие различных видов информации, между которыми не проводится жестких границ. При этом прагматическая и семантическая информация может привлекаться для разрешения проблем на синтаксическом уровне и наоборот»¹⁹.

Итак, исчислительность – универсальный и неоднопорядковый механизм, обеспечивающий субъектность и в то же время стимулируемый субъектностью. В таком своем качестве исчислительность характеризует только вербальную форму языка, являющуюся эволюционно приобретенным состоянием человека. Данный взгляд согласуется с естественноисторической картиной становления сознания и языка и способен служить дополнительным теоретико-объяснительным компонентом этой картины. Разумеется, дальнейшая позитивная реализация характеризуемых результатов возможна при продолжении разработок в области исчислительных механизмов языка и форм субъектности. Здесь важными будут определенные экспериментальные

разработки и ориентации. Последующее их теоретическое освоение должно идти по линии определения границ и специфики тех или иных форм их возможного и действительного контакта. Положения, касающиеся простой аддитивной исчислительности и сложных, переменных ее форм, могут считаться пока необходимой отправной точкой для продолжения анализа. Как раз область сложных форм исчислительности нуждается в дальнейшей конкретизации. Причем эта работа обязательно будет носить междисциплинарный характер (ближайшим образом в ней, конечно, будут задействованы физиология высшей нервной деятельности, нейролингвистика, математика и лингвистика).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹См.: *Серль Дж.* Природа интенциональных состояний // *Философия. Логика. Язык* / Под ред. Д. П. Горского, В.В. Петрова. – М., 1987. – С. 96 – 126; *Fodor J.A.* The modularity of mind. Cambridge (Mass.), 1983; *Fodor J.* The language of thought. – Hassoks, 1976.
- ²Такое понимание языкового употребления проявляется в концепции языковых игр Л. Витгенштейна, который в объяснении феномена языка придерживался антиконцептуалистской позиции.
- ³См.: *Серль Дж.* Природа интенциональных состояний.
- ⁴См.: *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. – М., 2002. – С. 25; *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. – М., 1972.
- ⁵См.: *Кислов Б.А.* Проблема оценки в марксистско-ленинской философии (вопросы теории и методологии). – Иркутск, 1985. – С. 36.
- ⁶См.: *Пенроуз Р.* Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. – М., 2003; *Пенроуз Р.* Тени разума: в поисках науки о сознании. – М.; Ижевск, 2003. Ч. I; *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М., 2004.
- ⁷Показательной в связи с этим является позиция Дж. Лакоффа, который, отмечая, что не существует единого вычислительного направления в изучении разума, свою критику направляет на подходы, отождествляющие функционирование разума и машины (см.: *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. – С. 439 – 440). Сопоставительный анализ вычислительных направлений представлен также в статье: *Casey G., Moran A.* The Computational Metaphor and Cognitive Psychology. <http://www.ucd.ie/philosophy/staff/casey/CompMeta.pdf>.
- ⁸О начатках логического мышления и способностей к абстрагированию у высших животных см., в частности: *Брунер Дж.* Психология познания. – М., 1977; *Прибрам К.* Языки мозга. – М., 1975;

- Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны (Способны ли высшие животные к оперированию символами?). — М., 2006.
- ⁹См.: Мещанинов И.И. Новое учение о языке. — Л., 1933; Мещанинов И.И. Проблемы классификации // Советская этнография. 1933. № 2. — С. 74 — 84; Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. — Л., 1975.
- ¹⁰См.: Tugendhat E. Vorlesungen zur Einfuhrung in die Sprachanalytische Philosophie. — Frankfurt/M., 1976.
- ¹¹См.: Ивин А.А. Логико-философское исследование ценностей // Исследования по неклассическим логикам. — М., 1989. — С. 259 — 278.
- ¹²См.: Мещанинов И.И. Новое учение о языке. — С. 465; Мещанинов И.И. Проблемы классификации. — С. 75.
- ¹³См.: Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. — М.; Л., 1938. — С. 256.
- ¹⁴См.: Марр Н.Я. Язык и мышление // Избр. работы. В 5 т. Т. 3. — М.; Л., 1933 — 1937. — С. 91 — 92. Наличие семантического субъекта в так называемых безличных предложениях подчеркивают также: Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982; Павлов В.М. Субъект в безличных предложениях // Теория функциональной грамматики: Субъектность/Объектность. — СПб., 1992; Тарланов З.К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // Филологические науки. 1998. № 5 — 6. — С. 65 — 75.
- ¹⁵Аристотель. Метафизика. — М.; Л., 1934. — С. 83.
- ¹⁶Там же. — С. 83 — 84.
- ¹⁷См.: Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / Под ред. Д.И. Дубровского, В.А. Лекторского. — М., 2006. — С. 79 — 80.
- ¹⁸См.: Черниговская Т.В. Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. — С. 133.
- ¹⁹Петров В.В. Джерри Фодор: когнитивное измерение мышления // Концептуализация и смысл. — Новосибирск, 1990. — С. 232.